

Глобальная экология в становлении глобализирующегося мира

Лисеев Игорь Константинович

E-mail: lik6841@mail.ru

Мир, в котором мы живем, стремительно развивается и изменяется. При этом одним из основных направлений развития этих процессов становится процесс глобализации отношений и состояний современного мира. Многоаспектная, многоуровневая глобализация затрагивает все больше сфер современного бытия человека и общества. Речь идет ныне об экономической, политической, культурной и прочих проявлениях глобализации. Все эти тенденции попадают в поле зрения современной науки, всесторонне исследуются, осознаются их закономерности и специфика осуществления в конкретных сферах бытия. Однако по мере накопления данных о фактических региональных проявлениях глобализации все настойчивее возникает вопрос о том, возможно ли формирование представлений о феномене глобализации в целом, о его закономерностях и особенностях безотносительно к какому бы то ни было конкретному субстрату, на основе которого осуществляется этот процесс. История науки знает немало образцов подобных всеобщих обобщающих концепций. Достаточно вспомнить первую попытку построения «Всеобщей организационной науки», которую в начале XX века осуществил А.А.Богданов [2]. Исходной посылкой для автора явилось осознание того, что законы организации систем едины для любых объектов, независимо от субстратов их составляющих. Отсюда следовал вывод: подобные законы можно изучать в обобщенной форме. И это обстоятельство дает не только объяснительные, но и предсказательные возможности. Всемирно известен автор другой обобщающей концепции XX века Людвиг фон Берталанфи [1], создатель «Общей теории систем». Основной задачей этой теории, по Берталанфи, было формулирование общих принципов и законов существования систем, независимо от их специального вида, природы составляющих элементов и отношений между ними. Создатели кибернетики (Норберт Винер [3] и др.) видели ее как науку об общих закономерностях получения, хранения и передачи информации в сложных управляющих системах, безотносительно к их виду. Синергетика (Герман Хакен [8] и др.) понимается как междисциплинарное направление изучения природных явлений и процессов на основе принципов самоорганизации, независимо от их видовой специфики. С.В.Мейен уже в наши дни во второй половине XX века сформулировал представления о еще одной обобщающей концепции – учении о многообразии. Уже после смерти этого выдающегося биолога концепция была названа «Диатропикой». В ней показано, что законы многообразия также носят универсальный характер, не зависящий прямо от материальной природы объектов, составляющих то или иное множество [6, С. 14-20]. Так есть ли в этой связи какая-то универсальная концепция, позволяющая оценить сложность, многообразие и нелинейность феномена глобализации с единой организационной точки зрения? В сообщении показывается, что такая концепция ныне формируется и ее можно назвать «Глобальной экологией». Экология как конкретная биологическая наука уже давно определила предмет своего исследования, принципы и методы анализа. Она изучает закономерности взаимодействия живых организмов друг с другом и со средой их обитания. Однако со второй половины XX века традиционная биологическая наука экология начала стремительно расширять предмет своего исследования. Возникли и стали широко обсуждаться проблемы экологии человека, социальной экологии, экологии культуры, экологии духа, экологии мышления, экологии творчества и др. За каждым из этих направлений стояли многочисленные проблемы, требующие своего рассмотрения в рамках уже новых формирующихся на этой базе наук. Конечно, не все из названных направлений приобрели к настоящему времени статус новых наук, но тенденции и интенции каждого из них в этом плане

очевидны. Характерно при этом другое: все эти направления развивались не как взаимодополнительные подходы, а наоборот, отстаивая статус собственной самодостаточности и самоисключительности. Так, специалисты биологической экологии долгое время не могли смириться с появлением экологии социальной. Они называли это очередным проявлением идеологизации и политизации науки, сравнивали эти процессы с известными фактами идеологической критики кибернетики, генетики и т.д. В свою очередь представители социальной экологии отрицали самостоятельное существование экологии человека, полагая, что ее проблематика целиком вписывается в социальную экологию. Социальную же экологию при этом нередко сводили к социологии. Такие противостояния и недоразумения продолжались довольно долго, до тех пор пока не началось осознание и формирование представлений так называемой глобальной экологии. Эта область знания выступала уже не как очередная научная дисциплина, а как определенный методологический конструкт, дающий общий методолого-мировоззренческий взгляд на поставленную проблему, позволяющий видеть всеобщие закономерности взаимодействия объекта и среды его обитания, абстрагируясь от реальных субстратов их составляющих. В наши дни идет формирование нового взгляда на глобальную экологию как на философско-методологический регулятив, фиксирующий общность взаимодействия объектов и сред их обитания безотносительно к субстратам их составляющим. Исследование этих закономерностей и их рефлексивная оценка легли в основу становящейся ныне новой области философского знания – философии экологии, которая трактует все дисциплины экологического характера уже не только как научные направления, но и рассматривая их с философско-мировоззренческих общекультурных позиций [7]. При этом вполне естественно и закономерно нарастающее понимание того, что именно философское рассмотрение тенденции развития и расширения экологической проблематики, столь смысложизненной для современного общества, может дать существенное обогащение, приращение и трансформацию существующих подходов, выступить как порождающий ведущий фактор их обновления и включения в широкий общецивилизационный контекст понимания закономерностей глобальных процессов. Философия экологии сегодня – это область философских исследований, изучающая философские основания самых разных направлений современного социоприродного взаимодействия. В своем развитии и содержательном наполнении она бросает вызов многим традиционным представлениям о бытии мира и человека, глубоко укорененным в современной культуре. В лоне ее исследований показывается, что человеческая цивилизация ныне находится как бы на распутье. Традиционно сложившиеся в культуре нормы и установки, исследовательские программы, познавательные модели, ценностные ориентации и деятельностные регулятивы, близки к своему исчерпанию, плохо отвечают новым реалиям нашего времени. Мы живем в ситуации глубокого кризиса культуры, катастрофического состояния отношений природы и общества, кризиса норм и идеалов в науке, искусстве, политике, праве, педагогике, то есть во всем мировоззрении в целом. Сложившееся положение не является результатом какой-то ошибки или неправильно выбранной стратегии экономического, политического, социального развития. Оно представляет собой отражение глубинного кризиса техногенной цивилизации, охватывающего весь комплекс взаимодействий людей друг с другом, с обществом и природой. Поэтому перед экофилософией стоят ныне задачи внесения вклада в новую цивилизационную проблематику культуры, осознания новых ценностно-нормативных отношений, позволяющих преодолеть отчуждение человека от природы, выработать экологическое мировоззрение, сформулировать экологические императивы взаимодействия общества и природы. Всего этого возможно достичь только обратившись к фундаментальным основаниям философского знания с целью их переосмысления в связи с требованиями времени. Ответы философии на вызовы экологии, с нашей точки зрения, должны быть отражены в трансформации действующих

ныне онтологических, методологических и аксиологических установок. В онтологическом аспекте особое внимание должно быть привлечено к исследованию онтологических схем, представленных как в различных науках, так и в разных направлениях одной науки. Естествознание наших дней имеет дело с множеством картин природы, онтологических объяснительных схем, зачастую альтернативных друг другу или не связанных между собой. Это ведет к непониманию, несовпадению картин мира, предлагаемых различными областями научного знания. В частности в биологии из-за этого так и не преодолен разрыв эволюционного, организационного и функционального подходов к исследованию живого. Биология и экология ориентируются на разные картины мира. Задача трансформации онтологического направления в ответах на вызовы науки видится в выявлении онтологических моделей, лежащих в основаниях различных подразделений современной науки о жизни, рефлексивной работе по осмыслению их сути, взаимоотношений друг с другом, их рационализации и упорядочению. Проведенная работа в конечном итоге должна вести к новому пониманию природы, освобожденному от натурфилософских представлений о природе как существующей вне и независимо от человека. Фундаментальными абстракциями, консолидирующими новую концепцию философии природы становятся идеи глобального эволюционизма, коэволюции, человекоразмерности естественнонаучных концепций. Философия природы из некой мировой схематики, характерной для натурфилософии, становится философскими размышлениями человека, существующего в природной среде, вовлеченного в сложную сеть взаимоотношений с природой. Природа втянута в горнило человеческой деятельности и не может быть осмыслена вне этих отношений, вне исторического мира культуры. В методологическом плане трансформация философского знания под давлением реалий научного познания должна способствовать осознанию того, как новые методологические конструкты ведут к инновационному выходу за пределы существующих стандартов. Осознание и формулировка в науке новых методологических принципов, имеющих порождающий характер, как правило, вели к становлению новой картины реальности. Это ярко проявилось в процессе утверждения новых познавательных установок целостности, организации, эволюции, системности. Сейчас на повестке дня – утверждение нового познавательного конструкта – коэволюции, отражающего механизм сопряжения организации и эволюции материальных систем. Идея коэволюции может стать новой парадигмальной установкой культуры XXI века, может задать новые перспективы для синтеза естественных и социальных наук, преодолеть ограниченности натурализма, социологизма и историцизма, объединить альтернативные стратегии элементаризма и системности, эволюционизма и структурализма. Весьма важные изменения, как представляется, должны произойти и в сфере аксиологии. Ведь все цивилизационные установки техногенного общества, ориентированного на идею прогресса, принимают фактор конкуренции, соревновательности, взаимной борьбы в качестве ведущего фактора прогресса, ссылаясь при этом на дарвиновское положение о борьбе за существование. Однако в биологии уже давно показана альтернативность этой позиции. Так, одним из первых российский ученый К.Ф.Кесслер, за ним П.А.Кропоткин и др. обратили внимание на то, что наиболее приспособленными часто оказываются не те, кто физически сильнее и агрессивнее, а те, кто лучше объединяется, кооперируется, помогает друг другу. Это привело к созданию концепции, согласно которой взаимная помощь выступает как ведущий фактор эволюции и двигатель прогресса. Эта позиция получает поддержку и в современной литературе (Б.Л.Астауров, В.П.Эфроимсон, Л.В.Крушинский и др.). Современный физиолог бактерий академик Г.А.Заварзин, критикуя рыночную концепцию конкуренции, утверждает: главный тезис анти-рыночной концепции – функциональное положение организма в трофической системе предполагает в первую очередь кооперацию, а не конкуренцию [5, 129]. Трудно переоценить значение этих идей, перенесенных из сферы биологии в сферу

социума и закреплённых отрефлексированной философской мыслью. Подобные вызовы, идущие к философии от науки, требуют глубинной трансформации действующих в философии принципов, создание новых направлений исследования, отвечающих веяниям времени. Экологические знания не только объясняют неизвестные стороны действительности, но и призваны выполнять предписывающие функции по отношению к человеческой деятельности, формировать экологическую культуру. В свете экологической проблематики новый смысл и значение приобретает проблема гуманизма. Ныне вместо антропо- и социоцентристских ценностей нарождается новая система ценностей, учитывающая неразрывную связь человека с природой. Если сущностью культуры в широком смысле слова всегда было отличие социального от природного, то сущностью экологической культуры является, наоборот, совмещение социального с природным, их единство. Однако развитие этих процессов невозможно без углубленного изучения и исследования современных проблем экологической этики. «Никакие научно-технические нововведения, эколоитические преобразования, социальные реформы, – пишут В.И.Данилов-Данильян и К.С.Лосев, – сами по себе не обеспечат устойчивость развития цивилизации. Устойчивое развитие возможно только как результат этического обновления человечества, формирование новой системы ценностей, новых моральных императивов» [4, 13]. Под этим положением, выдвинутым двумя нашими известными учеными-естественниками (что само по себе тоже очень характерно) может ныне подписаться любой широко мыслящий человек. Но как его реализовать? Как добиться формирования этой новой системы ценностей и что должно составлять ее содержание? В научной литературе ныне обсуждается, как минимум, пять различных, а зачастую и альтернативных друг другу сценариев экологического будущего человечества. Реализация каждого из них требует и своего «экологического мышления» и своей «экологической морали». Кроме того, задача формирования современного экологического мировоззрения отнюдь не определяется ориентацией только на научные знания. В его становлении огромную роль играет традиция как способ бытия человека в мире. Даваемое ею предпонимание составляет горизонт человеческого бытия, в котором живет и мыслит человек и которое определяет характер осмысления им действительности. Одним из наиболее давних подобных подходов, прошедшим фактически через всю историю философской мысли и сохраняющим свою значимость и поныне является антропоцентрический подход. Его сторонники, рассматривая человека как вершину, венец прогрессивного развития живого исходили из, якобы, весьма гуманистической установки: все во имя человека, все для блага человека. Эта установка основывалась на знаменитом выражении Протагора: человек есть мера всех вещей. В явном или неявном виде в его утверждении в XIX и XX веках присутствовала и заявленная в свое время Марксом, но так и не реализованная ни им, ни всем марксизмом формула: свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. По сути же дела, ориентация на выделенное, изолированное развитие человека, без учета его сложнейших взаимосвязей и взаимозависимостей с обществом и природой вела к ложным и фактически не выполнимым целям и задачам. Близким к антропоцентризму и столь же односторонним оказался социоцентрический подход. Теоретиков этого подхода интересовало общество как целое и взаимосвязи его различных элементов. Это безусловно важное и продуктивное направление исследований, если оно не замыкается само на себя, а учитывает все взаимосвязи системы «человек-общество-природа». К сожалению, на практике социологизм, абсолютизируя социальные аспекты, часто упускал из вида все иные. Фактически же цивилизация индустриального общества пошла по пути экспансии техноцентристских установок как ведущих ориентиров становления и развития техногенной цивилизации. Новые высокие технологии, возникшие в XX веке и прежде всего ядерные, компьютерные, информационные, биоинженерные оказались тесно связанными не только с техническими задачами, но и с множеством цивилизацион-

ных инноваций. Они привели к новым формам организации человеческой деятельности и производства, к новому отношению к природным ресурсам, и т.д. Это с одной стороны способствовало небывалому взлету научно-технического прогресса, а с другой - поставило человечество на край бездны, вызвав экологический, сырьевой, демографический и в целом антропологический кризис. Логичным продолжением этой техноцентристской экспансии стали идеи космоцентризма. В их основе лежит знаменитое изречение К.Э.Циолковского: «Земля - колыбель человечества, но нельзя вечно жить в колыбели». Этот путь выделся и как результат новых технических возможностей, и как ответ на тревожные вызовы современных глобальных проблем. Но по сути своей, концептуально он мало отличался от идеологии техноцентризма со всеми ее достоинствами и недостатками. Как своеобразная реакция на все беды неконтролируемого техногенного развития общества в середине XX века стала нарастать идеология биоцентризма. В ее основе - призыв возврата к доминированию ценностей жизни в противовес ценностям техники, политики, экономики. Идеи благоговения перед жизнью, в свое время заявленные А.Швейцером, получили свое развитие в многочисленных направлениях глубинной экологии, биоэтики, биополитики и т.д. Всячески приветствуя и поддерживая эту тенденцию увеличения биологической грамотности населения, смены акцентов на ценности жизни и мира живого в то же время нельзя не видеть ограниченности и этого подхода, взятого изолированно от всех других. И только, пройдя через увлечение и определенное разочарование всеми названными подходами, совокупная общественная мысль ныне все более склоняется к осознанию того, что доминанты, определявшие развитие техногенной цивилизации должны быть заменены доминантами цивилизации экогенной. С этих позиций глобализирующийся мир будет устойчивым и плодотворным только в рамках экогенной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bertalanffy L. von. General System Theory. Foundations, Development, Application. New York, 1969. p. 289.
2. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2-х книгах. М., «Экономика», 1989. 304 + 351 с.
3. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио, 1958. 344 с.
4. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М. 2000. 416 с.
5. Заварзин Г.А. Антирынок в природе // Высшее образование в России. М. 2007. № 4. 129-133 с.
6. Карпинская Р.С. Зачем методолог биологу? // Методология биологии: Новые идеи (синергетика, семиотика, коэволюция). М., 2001. 264 с.
7. Лисеев И.К. Философия экологии сегодня // Философские науки. М. 2017. № 3. 102-115 с.
8. Хакен Г. Синергетика. — М.: Мир, 1980. 406 с.